Неопубликованные материалы

Трое из раздавленного поколения

Элиэзер М Рабинович

(После чтения в архивах КГБ дел главного московского раввина, ростовского раввина и отца)[1]

Напечатано в альманахе «Еврейская старина» №2(61), апрель-июнь 2009 г.

Ссылки на фото кликабельны.

Публикуется с разрешения автора.

«Вынес достаточно русский народ,

Вынесет всё –и широкую, ясную

Грудью дорогу проложит себе.

Жаль только –жить в эту пору прекрасную

Уж не придется –ни мне, ни тебе».

(Н.А. Некрасов, «Железная дорога», 1864.)

«Даже если когда-нибудь этот режим

принесёт счастье и процветание всему

человечеству, он и тогда не сможет

оправдать те реки крови, которые

были ради этого пролиты».

(Меер Рабинович, отец автора,

в разговоре с автором в 1950 годы.)

Если бы двадцать лет назад кто-нибудь сказал мне, что однажды я добровольно войду в КГБ2, да ещё мне дадут прочитать дело моего деда с материнской стороны, главного московского раввина Шмарьяһ у-Иегуда-Лейба Медалье, расстрелянного в 1938 г., я бы ответил, что более вероятно встретить его живым на улицах Нью-Йорка. Но в июне 1997 г., через 23 года после нашей эмиграции мы с женой приехали в Москву именно

для чтения дел. Мы оба – дети ГУЛАГа: не только дед, но и оба отца, а также несколько других родственников были репрессированы в сталинское время.

В приёмной бывшего КГБ (теперь – Федеральная служба безопасности, ФСБ) на Кузнецком мосту, метрах в ста от основного здания этого ведомства на Лубянке, нас встретил чиновник в штатском и провёл в небольшой читальный зал. В письме, посланном из Америки, мы просили приготовить для нас дела четырёх людей:

1) главного московского раввина, моего деда Медалье;

2) его сына, моего дяди, раввина Ростова-на-Дону Моше Медалье;

3) моего отца Меера Рабиновича;

4) отца жены Михаила Асиновского.

Только дела первой тройки были доставлены. Чиновник не разрешил фотографирования, но позволил начитывать текст на магнитофон, сделал несколько копий и, к огромному удивлению, выдал некоторые оригиналы, например, тюремную фотографию отца и письма бабушки Сталину, Молотову и Кагановичу.

Я начну с краткого обзора системы арестов и приговоров того времени, хотя она, в основном, знакома читателю по «Архипелагу ГУЛАГ» Солженицына. Тотальная война коммунистического правительства против своего народа началась сразу после Октябрьской революции 1917 г. «К марту 1918 г. большевистский режим Ленина, существовавший всего пять месяцев, сознательно убил больше политических оппонентов, чем царская Россия в течение всего предшествующего столетия,» – писал историк Тони Джут>[3]>. Уничтожение зажиточного крестьянства путём голодомора, высылки семей т. н. «кулаков» и загона остального крестьянства в колхозы привело к разрушению сельского хозяйства в 1920 годах, которое не восстановилось вплоть до конца советской власти, и Россия, экспортёр зерна до революции, стала и до сих пор остаётся его импортёром. Организованный на Украине голодомор унес, возможно, шесть миллионов жизней. Убийство главы ленинградских коммунистов Кирова в декабре 1934 г., по всей вероятности, организованное по приказу Сталина, он использовал для начала массового террора по отношению к старым партийным кадрам и интеллигенции. Символической датой вершины этого террора считается 1937 г., хотя на самом деле он не прекращался до смерти Сталина.

В 1936 г. страна получила «Сталинскую конституцию». Хотя она подтверждала однопартийную систему, но во многих отношениях она повторяла Американскую Конституцию: были провозглашены свободы слова, печати, собраний, совести, неприкосновенность членов парламента, независимость судей. На самом деле, это была пустая бумага. Одновременно существовал Уголовный кодекс – по американским понятиям абсолютно неконституционный – со страшной многопунктовой 58-ой статьёй, требовавшей сурового наказания вплоть до расстрела за малейшие проявления несогласия с властями. Уже Ленин ввёл строжайшую цензуру любого печатного и радио-слова; в 1958 г. я лично должен был пропустить через цензуру простой пригласительный билет на студенческий вечер! Судьи, за исключением простых гражданских исков, решали дела по указаниям партийной верхушки.

Был и другой кодекс – процессуальный, который в деталях описывал, как должен проводиться суд и как защищать права обвиняемого – опять пустая бумажка. Людей, арестованных за «политические преступления» не судили по этому Кодексу. Вместо этого при НКВД были образованы совершенно незаконные «тройки» («Особое совещание», или ОСО). Заключённого проводили через долгий конвейер избиений, лишения сна

и пищи, чтобы заставить его подписать признание, которого было достаточно для обвинения. После этого ОСО выносило приговор без вызова обвиняемого, свидетелей, прокурора и защиты. В некоторых случаях обвиняемого вызывали на закрытую сессию военного «суда», приговором которого почти всегда был расстрел.

Самое страшное здание на свете – здание НКВД-МГБ-КГБ на Лубянке в Москве

Мне нужно объяснить, почему слова «политические преступления» взяты в кавычки. Двадцатый век знал много жёстких диктаторских режимов. Некоммунистические диктатуры имели драконовские законы, но, как правило, можно было выучить правила и избежать репрессий. Гитлер полностью делегитимизировал евреев и цыган, но среди немцев только действительные оппоненты режима были арестованы. Конечно, мы уважаем их за их борьбу, но они знали, что нарушали закон, который существовал в то время.

Коммунистические режимы, и Ленинско-Сталинский как первый среди них, были иными. Оппоненты были уничтожены с такой жестокостью, что вскоре никого не осталось. Сталин уничтожил и старую ленинскую гвардию. Многие из них сами были страшными убийцами во время гражданской войны (Зиновьев, Тухачевский), но они не были виновны ни в какой антисоветской деятельности и шпионаже, в которых их обвинили. Подавляющее большинство заключённых и казнённых никогда не совершили ни малейшего преступления или проступка по отношению к режиму. Они не совершили преступления не только согласно правовым нормам Запада – не было преступлений даже согласно тому жестокому Кодексу и его 58-ой статье. Родственник заграницей, письмо оттуда, конечно, короткая встреча с иностранцем – всё это были поводы для ареста. Однако большинство не совершили даже таких «преступлений», не прошептали никакого «неправильного» слова, прокричали все «правильные» слова. Не помогало. Они были нужны для громадной рабской трудовой армии, превратившей Советский Союз в гигантский военно-промышленный комплекс. Это рабство не имело прецедента в истории. И в античности, и в Америке XVIII-XIX веков, частный рабовладелец заботился о рабах, если не из чувства гуманности, то из желания сберечь своё капиталовложение. (Из диалога Платона «Евтифрон» мы узнаём, что в древней Греции убийство раба владельцем могло быть наказано смертью.) У Сталина не было подобных забот. Гуманистические соображения его не занимали. Он ничего не платил за своих государственных рабов, и источник их снабжения был неисчерпаем, так что плохо одетые и голодные люди дорабатывали до смерти. «Нам нужно взять от заключённого всё, что он может дать в течение трёх месяцев – после этого он нам не нужен», – проповедовал один из организаторов ГУЛАГа. Огромная страна имеет гигантские богатства (золото, алмазы, уголь) в очень холодных местах, и рабский труд позволил задёшево освоить Сибирь, Колыму, дальний Север. Таким образом, если количество политических заключённых в Германии (не считая жертв еврейской Катастрофы), Италии, Испании насчитывало десятки тысяч, то Сталин держал в трудовых лагерях около 12 миллионов человек только в одном 1952 г.>[4]> (Для сравнения: Испанская инквизиция в течение нескольких веков осудила 290 921 человека, из них 34 658 были сожжены>[5]>.)

Простая арифметика: если считать, что средним сроком было 10 лет, то в течение 16 лет с 1937 до 1953 гг., в лагерях находилось около 12x1,6»19 миллионов человек. У всех были семьи. Считая, что только один из семьи в 4 человека был арестован, это даёт нам 76 миллионов страдальцев системы. Сюда не включены расстрелянные и жертвы голодомора – Тони Джудт пишет о 20 миллионах невоенных смертей, часто целыми семьями. Так мы приходим к цифре 96 миллионов в стране с общим населением в 200 миллионов человек, т. е. от трети до половины населения были репрессированы! Когда я посещал отца в сибирской ссылке, где жили освобожденные из лагерей, я встретил

там все возможные слои общества: это были мужчины и женщины всех возрастов; рабочие, крестьяне, актёр, учителя, врачи, служащие; партийные и беспартийные; русские, евреи, китайцы, один турок, немцы Поволжья. Ни одна группа не была пощажена. Отец однажды сказал мне: «Идя по дороге, я был сбит случайной машиной». Но я бы сказал, что всё поколение наших дедов и родителей было раздавлено как бы асфальтовым катком.

А сейчас – только три судьбы из числа этих десятков миллионов.

Главный московский раввин Шмарьягу-Иегуда-Лейб Медалье

Раввин Медалье родился в Литве в 1872 г. и начал свою карьеру в Туле, где в 1903 г. родилась моя мама Броха (Берта). Через некоторое время он был приглашён возглавить значительно б? льшую общину в Витебске, в городе с яркой культурной жизнью. В Витебске жила семья Вовси. Два брата-близнеца, Ефим и Соломон, готовились к юридической карьере. Согласно семейной легенде, однажды Соломон давал самодеятельное представление на вечеринке, на которой присутствовал дед, и тот сказал, что из него мог бы получиться хороший актёр. Получился, и великий! – актер театра на идиш, известный всему миру под псевдонимом Михоэлс. Я хорошо помню его брата, впоследствии московского адвоката, Ефима Михайловича Вовси, который всю жизнь был другом нашей семьи. (Известный по делу врачей профессор Мирон (Меер) Вовси был их кузеном.) Другое великое имя, которое дал еврейский Витебск того времени, – Марк Шагал, всю жизнь рисовавший свой родной город (иногда, впрочем, с Эйфелевой башней).

Ко времени революции 1917 г. у раввина было шесть сыновей и пять дочерей. В 1920 годах его пригласили возглавить Московскую хоральную синагогу в Большом Спасоглинищевском переулке. Раввин Медалье стал последователем любавического хасидского ребе Шнеерсона, который, к своему счастью, был в то время изгнан из СССР и жил в Польше.

Раввин Шмарьягу-Иегуда-Лейб Медалье и его жена Двойра Медалье, 1930 годы

Московская хоральная синагога (современный вид), Большой Спасоглинищевский пер., 10

Это было нелёгкоё дело – быть активным религиозным лидером, особенно еврейским, в то время. Власти постоянно придирались к раввину, семья была выселена из московской квартиры и переехала в пригород Лосиноостровск (сейчас – часть Москвы). Затем пришёл великий террор 1937-38 гг. Вдова арестованного смоленского раввина рассказывала мне, как она приехала в Москву за советом к деду. Совет был: «Вы ничего не можете сделать для мужа. Возвращайтесь домой и постарайтесь сделать всё, что можно, для Ваших детей. Я и сам жду каждую минуту...»

Такую минуту подготовил капитан Аронов, записку которого от 28 декабря 1937 г. я держу в руках в 1997. Согласно этой записке, раввин Медалье поддерживал «нелегальные» отношения с ребе Шнеерсоном. Во время еврейских праздников в 1935 г. раввин Медалье якобы встретился с представителем американского посольства и передал ему «клеветническую» информацию о положении евреев в СССР. Он был также членом нелегального центра, который руководил всеми хасидами в СССР. В заключение, капитан Аронов просит санкцию прокурора на обыск и арест. Раввин был арестован 4 января 1938 г.

В течение трёх с половиной месяцев заключения было только два или три допроса раввина. Он не очень хорошо знал русский – идиш был его родным языком – и,

возможно, плохо понимал обвинения. Я не знаю, били ли его. Это возможно, судя по тому, что на суде он отказался от показаний, данных на следствии. Одним из обвинений была встреча с представителем «Агро-Джойнта» г-ном Розеном, с отцом которого – владельцем красильни в Туле – раввин был дружен в начале своей карьеры. На допросе он «признаётся», что периодически получал деньги от Розена для раздачи бедным (возможно, что правда), а взамен якобы снабжал последнего «клеветнической» антисоветской информацией (наверняка – ложь). Я хочу подчеркнуть, что это нелогично и ненаучно пытаться по этим документам (записка капитана Аронова, протоколы следствия) установить подлинные действия раввина, скажем, считать «симпатичные» нам действия такие, как помощь бедным, – правдой, а «несимпатичные», как шпионаж или антисоветскую информацию, – ложью, ибо установление истины или хотя бы её зерна не было задачей ни Аронова, ни следователя. Эти протоколы показывают дух времени, но они ни в малейшей степени не могут рассматриваться как источник информации.

Я провёл небольшое исследование о д-ре Розене. Д-р Сара Кадош, директор архивов «Агро-Джойнта» в Иерусалиме, писала мне: «Агро-Джойнт» был основан в Советском Союзе в 1924 г. с целью поощрения еврейских сельскохозяйственных поселений и, позднее, профессионального обучения евреев. Он функционировал до 1938 г. Д-р Джосеф Розен (1877-1949), агроном, рожденный в России и проживавший в США, был директором «Агро-Джойнта» и часто посещал Россию в те годы». В архивах Института еврейских исследований YIVO в Нью-Йорке я нашёл много документов, относящихся к деятельности «Агро-Джойнта» и д-ра Розена. По договорам с советским правительством «Агро-Джойнт» обязался израсходовать в СССР 13 млн. долларов за период с 1924 по 1936 гг. – было израсходовано 15 млн. Только в 1922-1928 гг. Розен ввез в СССР≥[6]≥: 86 тракторов, которыми за один сезон вспахали 100 тысяч акров, 1000 плугов и огромное количество другого оборудования, закупил 3000 лошадей и тысячу коров. Увидев, что семена были низкого качества, он организовал 252 станции, где культивировались семена, ввезённые из-за границы. «Агро-Джойнт» помог тысячам евреев в обработке земли; помощь оказывалась и крестьянам-неевреям. В докладе от 1935 г. д-р Розен с гордостью писал (перевод мой):

«Мы остро чувствуем, какая огромная перемена к лучшему произошла в СССР и какую важную роль в улучшении положения евреев сыграла наша организация… Советское правительство не только помогало нам в этой работе, но и приняло на себя роль официального лидера, видя в решении еврейского вопроса государственную задачу». А затем неожиданно следует документ, подписанный представителем правительства и Розеном в августе 1938 г., о прекращении деятельности «Агро-Джойнта» в СССР и о передаче всего его имущества и наличности советскому правительству без компенсации.

Но вернемся к раввину Медалье. Главной основой для обвинения его, а позднее и моего отца, был протокол допроса арестованного Председателя московской еврейской общины Мануила Шептовицкого на следующий день после ареста раввина. Этот протокол представляет собой описание деятельности фиктивной подпольной антисоветской еврейской националистической организации, «Мерказ мизрахи» («Восточный центр» на иврите). Шептовицкий утверждал, что в этом центре участвовали представители всех слоёв еврейского общества. Он назвал следующих людей, которым он приписал ту или иную политическую позицию:

«Раввин Медалье – мизрахист, религиозник,

Рабинович М.Л. (мой отец) и Кроль – ешиботники,

Фукс – ассимилятор,

Брауде М.Д. – сионист,

Рабинович Б.С. – религиозник-националист

и я, Шептовицкий, – узкий националист».

Читатель, не вини меня в этом лингвистическом абсурде и не ищи смысла: так в протоколах. Любопытно, что в протоколе допроса Шептовицкого совсем нет примеров антиправительственной деятельности. «Нелегальный центр» якобы получал большие суммы денег от Розена для раздачи бедным и для организации ешив (раввинских школ). Ну, и «преступления», даже если бы это было правдой! Очевидно, что следователь мог вложить любые слова в уста Шептовицкого, но, по-видимому, ему было достаточно того, что он получил. Он знал, что этот «документ» не будет оспорен в нормальном суде. В протоколе также там и тут говорится о сионизме, но нет упоминания о какой-либо связи с Палестиной или еврейской эмиграцией.

Учитывая трагические последствия этих показаний для судьбы раввина и всех остальных, как мы должны отнестись к Шептовицкому за эту клевету? Должны ли мы бросать камни в него и в память о нём? Ответ: нет, нет и нет. Это был больной 69-летний человек, которого, конечно же, изрядно побили, прежде чем он согласился на сочинение такого опуса. Я сам не имею представления, какие побои мог бы вынести я, прежде чем я превращу всех моих друзей в монстров, готовых организовать сеть раввинских школ в Америке с целью свержения американского Президента. Так что «не судите, да не судимы будете».

Пока всё это происходило в стенах НКВД, семья не получала никаких известий. Письма и передачи не принимались (только 8 апреля у бабушки взяли 40 рублей для передачи). В апреле бабушка посылает письма Сталину и Молотову (последний был формальным главой правительства, тогда как Сталин возглавлял партию и не занимал поста в правительстве) и своему депутату в Верховном Совете. Мне отдали оригиналы этих писем, написанных от руки на листках из школьной тетрадки. Я привожу письмо Сталину с небольшими сокращениями (не исправляя орфографию и пунктуацию):

Письмо Двойры Борисовны Медалье Сталину

Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Сталину

от граж. Д.Б. Медалье прожив в гор. Лосиностровске...

Заявление

Говорят: «глас народа – глас божий». Народ считает Вас, тов. Сталин, мудрым и справедливым другом человечества. А мне, в моем теперешнем тяжелом положении приходится обращаться за помощью к мудрому и справедливому другу людей, лозунгом которого является «чуткость и внимание к человеку».

Вы тов. Сталин, являетесь творцом великой конституции, носящей Ваше славное имя, и мне думается, что в отношении моего мужа допущено нарушение конституции и никто как Вы, не встанет на защиту ее прав...

И я обращаюсь к Вам, как к мудрейшему другу человечества, как к творцу конституции, как к первому депутату Верховного Совета с мольбой о возврате свободы моему мужу в невиновности которого я глубоко уверена.

Уже более трёх месяцев как арестован мой муж – Медалье Шмерель-Лейб Янкелевич, единственный духовный раввин гор. Москвы, шестидесятишестилетнего возраста, страдающий уже длительное время болезнью желудка. Я в течение трех месяцев крепилась и терпеливо ждала, что следствие выяснит невиновность моего мужа. Но три месяца прошли, а конца не видно.

В связи с указанным, я обращаюсь к Вам, многоуважаемый Иосиф Виссарионович с просьбой о содействии в освобождении моего мужа. Ведь единственно в чем его можно обвинить – это то, что он духовное лицо – раввин.

Но ведь по Вашей же Конституции, тов. Сталин, предоставляется свобода вероисповедания и представления верующих. Так разве за это можно держать в тюрьме?

По Вашей же Конституции нельзя гражданина содержать месяцами в тюрьме не имея точного, конкретного и ясного обвинения в нарушении закона, а мой муж закона не нарушал.

Умоляю Вас тов. Сталин приказать проверить дело моего мужа и вернуть моему мужу свободу. Уверена, что Ваша прославленная чуткость и отзывчивость к человеку безусловно будут способствовать возвращению свободы моему мужу.

(Д.Б. Медалье)

Я не знаю, отражало ли это письмо наивную веру, что Сталин ничего не знал о репрессиях (я сталкивался с такой идеей даже лет на 10-15 позже) или оно просто было написано из отчаяния. Ответа не было. Приближался Песах, и бабушка пишет другое письмо – единственному еврею в высшем руководстве Лазарю Кагановичу>[7]> (отрывки из письма):

«… Являясь чрезвычайно религиозным человеком, мой муж не пользуется пищей из общего котла и если ему не предоставить специальный паек, то он питается все время исключительно куском хлеба и кипятком...

… В настоящее время вопрос с его питанием еще осложняется ввиду наступления пасхального периода (с 15 по 24 апреля с.г.), во время которого все религиозные евреи принимают в пищу вместо хлеба определенного вида опресноки (мацу). Учитывая, что при отсутствии мацы мой муж обречён на 8-дневный голод, прошу Вас дать указание органам НКВД о принятии у меня передачи...

… Осмеливаюсь обращаться к Вам ввиду особой срочности, так как до наступления пасхального периода осталось только два дня… Обращаюсь к Вам также, ибо считаю, что Вам будет понятно положение старого раввина, очутившегося в пасху вне дома, без мацы и пищи, дозволенной еврейским законом к употреблению в пасху».

И на это письмо не было ответа, но мама рассказала такую историю. Евреи стояли в очереди за мацой. Вдруг появилась машина, два офицера НКВД вышли и купили мацу, конечно, без очереди. В стране, где слухи часто были важным источником информации, евреи зашептались: «Это для нашего раввина». Этот апокриф мог быть и правдой – возможно, что они купили мацу не из-за письма его жены, а из-за его собственного твердого отказа есть хлеб.

Раввин Медалье прожил тот Песах 1938 года и ещё два дня после того. И вот я подхожу к этим последним двум дням – 25 и 26 апреля, и здесь я чувствую, что сам я должен замолчать и предоставить слово документам, приводимым ниже с небольшими сокращениями. Слова напечатаны заглавными буквами, если так они выглядят

в оригинале; подчеркивание – как в оригинале. Рукописные части текста заменены курсивом. **Жирный шрифт** – мой, вместо комментариев.

ПРОТОКОЛ № 3

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

«*25*» апреля 1938г. гор. Москва

Председатель Корвоенюрист МАТУЛЕВИЧ

Члены: Диввоенюристы ИЕВЛЕВ И ОРЛОВ

Секретарь Военный юрист 3 ранга КОЗЛОВ

Участвует Зам. Прокурора СССР т.РОГИНСКИЙ

СЛУШАЛИ:

Дело с обвинительным заключением, утвержденным Зам. Прокурора СССР т.РОГИНСКИМ, о предании суду Военной Коллегии Верхсуда Союза ССР МЕДАЛЬЕ Шмер-Лейб>[8]> Янкелквича по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР, в порядке закона от 1.XII.1934 г.

ОПРЕДЕЛИЛИ:

1. С обвинительным заключением согласиться и дело принять к производству Военной Коллегии Верхсуда СССР.

2. Предать суду МЕДАЛЬЕ Шмер-Лейб Янкелквича по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

3. Дело назначить к слушанию в закрытом судебном заседании, **без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей,** с применением постановления ЦИК СССР от 1.XII.1934 г.

4. Меру пресечения подсудимому содержание под стражей подтвердить.

Подписи.

Следующий день:

ПРОТОКОЛ

ЗАКРЫТОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

«*26*» апреля 1938 г. гор. Москва

(Присутствуют те же лица, что и в предыдущем Протоколе за исключением прокурора.)

… Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил

утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда. Подсудимый никаких ходатайств к отводу состава суда не заявил...

Председательствующий… спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. **Свои показания на предварительном следствии не подтверждает, считая их ложными.**

Председательствующий зачитывает показания ФУКСА о к/р (контрреволюционной – прим. моё – Э.Р.) деятельности МЕДАЛЬЕ. Подсудимый МЕДАЛЬЕ заявил, что эти показания так же неверны. ФУКС его оговаривает. Он к/р деятельностью не занимался.

Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимому последнее слово, в котором он заявил, что он не знал ни о какой к/р организации.

Суд удалился на совещание. По возвращении суда с совещания Председательствующий огласил приговор. (Подписи.)

Приговор раввина Медалье к расстрелу

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Корвоенюриста МАТУЛЕВИЧ

Членов: Диввоенюристов ОРЛОВА и ИЕВЛЕВА

При секретаре военном юристе 2>[9]> ранга КОЗЛОВЕ

В закрытом судебном заседании, в городе Москве

«*26*» апреля 1938 года, рассмотрела дело по обвинению МЕДАЛЬЕ Шмер-Лейб Янкелквича, 1872 г.р., быв. Главн. Раввина г. Москвы, – в преступлениях, предусмотренных ст.ст. I9-58-8, 58-11 УК РСФСР.

Предварительным судебным следствием установлено, *что Медалье являлся активным участником антисоветского еврейского религиозного центра, ставившего своей целью свержение Советской власти, в своей контрреволюционной деятельности Медалье был связан с директором Американского общества «Агроджойнта» Розеном, которого и снабжал клеветническими материалами о положении Советского Союза...*

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

Медалье Шмер-Лейб Янкелквича к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

Приговор на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. **подлежит немедленному исполнению.** *(4 подписи.)*

И исполнение было произведено немедленно:

Секретно

СПРАВКА

Приговор о расстреле*Медалье Шмер-Лейбы Янкелквича* приведен в исполнение в гор. Москве *«26» апреля* 19*38* г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве I спецотдела НКВД СССР том № *3* лист № *158*.

НАЧ. 12 ОТД-НИЯ I СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР

Лейтенант госбезопасности *Подпись* (Шевелев)

Справка о расстреле раввина Медалье

Эта канцелярская рутина ужасает: стандартная машинописная справка с оставленными местами для вписания рукой имени, даты в 19… году, номера тома и листа, подписи Шевелева. Всё готово для массового убийства...

Здание на Никольской ул., д. 23 (рядом с Центральной аптекой, б. Ферейна), где, возможно, был расстрелян раввин Медалье

Сколько времени длился «суд»? Действительно ли он «удалялся на совещание» и зачитывал приговор? Где убивали? Кто решил? Общество «Мемориал»>[10]> поместило имя раввина Медалье на стр. 270 в списках книги, называемой «*Расстрельные Списки, Москва 1937-1941, «Коммунарка», Бутово*». В книге рассказывается, что были организованы специальные зоны, где осужденных расстреливали и хоронили, как в Бутово, или привозили хоронить расстрелянных в Москве, как в «Коммунарке». Недавно в самом центре Москвы были обнаружены захоронения в подвалах. Военная Коллегия заседала на Никольской 23 (здание рядом с Центральной аптекой), туда из Лубянки, по-видимому, вёл подземный туннель. Внизу есть старые купеческие склады с толстыми стенами, и там, возможно, расстреливали. По сведениям общества «Мемориал» «суд» длился от 5 до 30 минут, в 1937-38 гг. было более 20 дней, когда Военная Коллегия пропускала более 100 человек в день. Не имело значения, подтверждал ли обвиняемый свои показания на следствии или отказывался от них, как отказался раввин, – это не меняло неизбежности смертного приговора. Военный прокурор Афанасьев, оставивший воспоминания (цитирую всё по той же книге «Мемориала»), присутствовал на выездной сессии Коллегии в Орле под председательством Орлова, одного из «судей» раввина Медалье. Афанасьев писал, что «суд» не удалялся на совещание, и Орлов заканчивал словами: «Приговор вам будет объявлен». Следовательно, это возможно, что убивали выстрелом в затылок неожиданно, и раввин даже не успел прочитать молитву «Шма Исраэль», которую полагается читать перед смертью.

Кто решил? Кто приказал? Абсолютно очевидно, что все прежде упоминавшиеся лица, начиная с капитана Аронова, до следователя, «судей» и палача, были просто марионетками. Корвоенюрист Матулевич, чиновник в ранге генерала, вероятно, имел меньше реальной власти решать судьбу заключенного, чем мелкий эсэсовский офицер в Освенциме. Так кто же решал? Из той же книги «Мемориала»: «… на смертную казнь обрекала не Военная коллегия. Она лишь оформляла решения, вынесенные до того, как дело поступало на ее рассмотрение. Решение же выносили Сталин и несколько человек из его самого близкого окружения». Вот вам бабушкина вера в сталинскую «чуткость и внимание к человеку»!

Родственникам не сообщали о казни. НКВД не хотел истерик и обмороков около окошек информации. Поэтому для внешнего потребления они изобрели приговор: «Десять лет без права переписки». Родственники настаивали: «Но куда же он (она) отправлен?» Ответ: «У нас нет другой информации. Когда он освободится, он вам напишет. Следующий!» Обман был настолько успешным (и люди хотели верить), что правда не была известна долгое время после смерти Сталина. И это несмотря на то, что многие вернулись из лагерей, некоторые даже после 20 лет, но никогда ни один с приговором к десяти годам без права переписки.

Воспоминание из детства, 1945 или 1946 г.*Мама и я дома. Стук в дверь, и входит молодой стройный офицер. Это дядя Гриша, военный стоматолог, приехавший на несколько дней из Берлина. Он целует нас обоих, и они с мамой начинают говорить на идиш – этот язык всегда использовался, когда взрослые не хотели, чтобы я понимал. Через пару минут дядя начинает рыдать, и мама пытается его утешить – сама она не плачет. После настойчивых вопросов она неохотно говорит мне, что узнала о смерти их отца в 1942г. и только сейчас сообщила новость брату. (О репрессиях я ничего не знал до более позднего времени.) Где и когда мама нашла место для плача, узнав о смерти отца, –не знаю.*

Теперь в той же папке, куда подшита Справка о расстреле, я нахожу секретную бумагу Военной коллегии от 23 октября 1956г. с указанием ЗАГСу о выдаче маме свидетельства о смерти её отца якобы во время отбывания наказания 24 января 1942г. И наконец:

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-0983

ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Рассмотрела в заседании от «7» декабря 1957г.

Определила:

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 26 апреля 1938 года в отношении МЕДАЛЬЕ Шмер-Лейба Янкелевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления».

Через 19 лет они отменили приговор. Но пулю они отменить не могли. Жён приговоренных к «десяти годам без права переписки» обычно также арестовывали, и бабушка Двойра Медалье не избежала этой судьбы. Она выжила и провела последние годы в семье дочери в Ленинграде. Умерла она в 1962г. в глубокой старости, и я сомневаюсь, что она могла осознать новость о реабилитации её мужа...

Гости из Ленинграда на нашем балконе в Москве 28 августа 1952 г. (фото автора): бабушка Двойра Медалье (в центре), её дочь Зина, зять Яков и внучки Фира (старшая) и Софа (младшая). Только Софья Ромм жива, она – врач в С-т Петербурге

Ростовский раввин Моше Медалье

Как и Гриша, он был моим дядей, но я ничего о нем не знал, да и сейчас знаю очень мало. Я никогда не видел его фотографии. Вскоре после его исчезновения в системе НКВД его жена и дети были убиты нацистами в Белоруссии, так что из семьи не осталось никого.

Две папки, привезённые из Ростова, рассказали только половину истории – о его первом аресте в 1935 г. Из дела я узнал, что он был старше мамы на год, родился в той же Туле. Учился в хасидских ешиботах и получил звание раввина. Когда евреи Ростова-на-Дону

попросили московского раввина порекомендовать раввина для их города, тот посоветовал пригласить его сына. 1 сентября 1935 г. он и ещё шесть евреев были арестованы. Ордер на арест и обвинение утверждали, что раввин «широко использ*овыв*ая (так в документе – Э.Р.) религиозные предрассудки еврейских верующих масс, проводит среди них активную агитацию и пропаганду в контрреволюционном (к-р) духе». Одно обвинение совершенно поразительно: раввин «достаточно изобличается в том, что являясь руководителем нелегальной к-р шовинистической организации «Тмимим» в г. Ростове, проводил активную к-р агитацию, **популяризируя фашизм Гитлера»** (жирный шрифт мой – Э.Р.). Эта нелепость была основана на показаниях другого заключенного, Магида, который сказал: «Далее Медалье мне говорил, что для верующих евреев нужна не Соввласть, а Гитлер, так как только Гитлер дает свободу духовной жизни евреям, определяет им территории и заставляет их жить духовной жизнью. Поэтому, говорил Медалье, евреи должны уважать Гитлера за свободу религии и духовенства, которую он допускает». Раввин твердо отрицал абсурдную клевету, а сам отказался обвинить какого-либо.

Главным обвинением было создание кассы взаимопомощи «Тмимим», которая получала деньги от любавического ребе Шнеерсона для распределения среди бедных. Сама идея, что советские граждане могут быть бедными, считалась антисоветской клеветой – в стране, где миллионы умирали от голода! Раввин возражал на обвинения с достоинством. (Похоже, что в 1935 г. еще не били, и достоинство было легче поддерживать.) Я читаю его карандашную записку следователю Киселеву: «*Разговор с Вайшенбаумом о бедных – клевета на советскую власть, но это неверно, т. к. там не говорится о большом количестве бедных: в городе несколько десятков тысяч евреев – 100 человек бедных… Еврейское положение здесь хорошее*».

Опять, 1935 г. – не 1937-39 гг. Приговор был очень «мягок»: раввин получил «всего» 5 лет лагерей, остальные получили от трех лет ссылки до трех лет лагерей. Но наиболее удивительное событие произошло в 1936 г.: прокуратура не нашла состава преступления в действиях осужденных, опротестовала приговор, и они все были освобождены – событие, немыслимое годом позже. И в 1938 г. раввин Моше Медалье был вновь арестован и исчез.

Отец

Воспоминание из детства.*Отца нет в моем раннем детстве. Я знаю, что идет война, и мы эвакуируемся в уральский город Молотов (теперь – Пермь). Мама говорит, что папа на войне. «Его могут убить?» –спрашиваю я. «О, нет – он «закаленный в бою»* (была тогда такая формула – Э.Р.)*, такие люди не погибают». Мы возвращаемся в Москву в начале 1944 г., осенью я иду в первый класс. Кончается война, и солдаты начинают возвращаться. «Где же папа?» «Не все ещё вернулись, он приедет». Я верю, жду. Я уже в 3-м классе, когда в ноябре 1946 г. мама и старшая сестра Фаня (Фейга) несколько раз идут на вокзал, чтобы встретить его. У них нет точной информации, и они возвращаются без него. Наутро они собираются на вокзал опять, когда отец входит. На нем телогрейка, не военная форма. По-видимому, было воскресенье, так как я был ещё в постели в довольно позднее время, и его первый вопрос был: «Он что, болен?» Мы не бросаемся друг к другу и не обнимаемся – мы практически незнакомы: мне был год, когда он исчез. Отец проводит с нами несколько часов и уходит. Я в полном недоумении, но у бедной мамы на всё есть объяснение: «Это нормально, что солдатам, вернувшимся с войны, некоторое время не разрешается жить дома». Девятилетний дурачок верит этому полнейшему абсурду. В школе я слышу и горячо отрицаю слухи, что отец сидел в тюрьме. Наконец, я припираю маму к стенке вопросами, она перед сном ложится рядом со мной и тихонько рассказывает, что были несправедливые репрессии в 1937-38 гг., «взяли и папу» (её точные слова, и я их слышу и сейчас, через 60 лет), он провел 8 лет*

в лагере, вернулся, но ему нельзя жить ближе чем в 100 км от Москвы. И начинается для меня двойная жизнь, когда для дома были одни слова и мысли, а для школы, работы – совсем другие, якобы просоветские. Двадцать семь лет минуло, прежде чем я покинул ту страну, и смог сбросить больную двойственность со своей души...

Меер Рабинович, мой отец, родился в Минске в 1893 г., один из многих детей раввина Элиэзера Рабиновича и его жены Фейги. И отец, и мать умерли благополучно в своих постелях к 1924 г., и вот почему мы с сестрой – Фейга (Фаня) и Элиэзер – в их память, по еврейскому обычаю. В 1923 г. Меер женился на дочери раввина Медалье Брохе; отец Брохи и поженил их. После революции черта оседлости евреев была отменена, и молодые смогли поселиться в Москве, где через год родилась моя сестра. Будучи «лишенцами», поскольку они были детьми «служителей культа», ни мать, ни отец не могли получить высшее образование.

Меер Рабинович, 20-ти лет, с матерью Фейгой и одной из сестер (на обороте – открытка со штампом минской почты от 23.2.1914)

То были годы относительного либерализма в экономике. Новая экономическая политика (НЭП) была начата Лениным с целью вывода страны из состояния разрухи, вызванного революцией и гражданской войной. Отец воспользовался НЭПом для организации мелких предприятий, например, производства и продажи карандашей. В 1928-29 гг. НЭП был внезапно прекращен, когда государство наложило налоги на предприятия, превышающие стоимости самих предприятий, забрало всё себе и конфисковало значительную часть личного имущества нэпманов. Отца несколько раз арестовывали на короткое время, пока он не сдал почти всё личное имущество, деньги и ценности. Семья была отброшена в нищету. Но в этом она была не одинока.

Мама Броха (Берта) Рабинович: слева – декабрь 1923 г. (20 лет), справа – 1950 годы.

Отец стал рабочим, мама – бухгалтером. У отца были «золотые руки» – он мог починить, что угодно. (В память о нём я еще храню его старые гаечные ключи. Посещая американские магазины и видя инструменты, которые там продаются, я представляю себе искру, которая сверкнула бы в его глазах, если бы он мог владеть ими.) В конечном счете он научился чинить зубоврачебное оборудование и сделал это своей специальностью. Он был глубоко религиозен и активен в Московской синагоге. В 1936 г. он вышел из состава Совета синагоги из-за разногласий с председателем Шептовицким.

9 июня 1938 г. Меера Рабиновича вызвали в местное отделение милиции под предлогом исправления его документов, там он был и арестован сотрудниками НКВД. В его деле я не вижу сколько-нибудь значительной информации в течение месяца и не знаю, что заставило его 11 июля послать следователю записку: «Я, Рабинович, заявляю, что готов искренне рассказать о моей контрреволюционной нелегальной деятельности среди верующих с 1936 г. и до дня моего ареста».

Его вызывают на допрос, и он описывает свои «преступления»: «Когда я был членом ревизионной комиссии синагоги, я совершил следующие антигосударственные поступки: я утвердил выдачу Шептовицкому тысячи рублей на починки в синагоге; 6000 рублей – на выпечку мацы; 2000 рублей – Фуксу для раздачи бедным перед Песахом. Эти деньги были получены от директора «Агро-Джойнта» Розена». Понятно, что следователя совершенно не удовлетворило такое признание «вины». Он спросил о симпатии отца к арестованным тестю и тёще и о собирании им денег в помощь семьям арестованных. Отец не отрицал. Вопросы (В.) и ответы (О.):

В. Вы знаете, что Розен был шпионом?

О. Нет. Я ничего не знаю о шпионаже и никогда им не занимался.

В. Если так, в чем же состоит ваша антисоветская деятельность?

О. Моя антисоветская деятельность состояла в религиозной работе среди верующих.

В. Вы были членом нелегальной националистической организации?

О. Нет.

В. В вашем письме от 11 июля вы обещали правдиво рассказать о вашей антисоветской деятельности среди верующих, но вы неискренни. Если вы надеетесь избежать ответственности перед советским судом, вы глубоко заблуждаетесь!»

Следователь зачитывает показания Шептовицкого, который описывал собрание несуществовавшего центра «Мерказ Мизрахи» в нашей квартире. «Вы теперь понимаете, конечно, что ваша вина полностью доказана?» Теперь отец соглашается. Протокол не отражает битья, лишения сна в течение восьми суток, яркого света в глаза во время допроса. Другой родственник рассказывал мне о сидении на ножке перевернутой табуретки в течение многочасового допроса.

Из письма папы Генеральному Прокурору в 1954 г.:*«В 1938г. во время следствия, несмотря на мучительные методы допроса, применения угроз и физического насилия, я категорически отрицал вымышленные и надуманные обвинения. Но следователь довел меня до такого состояния, что я вынужден был заявить ему так: «Пишите все, что хотите, я всё подпишу». Через несколько дней мне был предъявлен протокол следствия, который я подписал. Точно не помню все обвинения… и поэтому не могу их перечислить. Но самым категорическим образом заявляю, что ни в какой контрреволюционной деятельности не участвовал».*

Нам папа мало рассказывал детали, но иногда они прорывались. После возвращения в 1954г., он купил нам маленький телевизор – это была первая в моей жизни вещь, покупка которой не была вызвана острой необходимостью. Сам он телевизора не любил и смотрел редко. Как-то мы – мама, сестра и я – смотрели фильм о войне, и кого-то там волочили избитым после допроса в гестапо. Папа вошел в комнату, подошел к сестре и в шутку закрыл ей руками глаза. «Ну, папа, что ты делаешь?! Такой момент!» Он, бросив взгляд на экран, с сильным еврейским акцентом: «А что там такое? Тащат? Знаю, видел. Самого тащили».

Все-таки протоколы допроса отца показывают больше достоинства, чем протоколы Шептовицкого. Он никого не назвал и никого не обвинил в «преступлении» большем, чем собирание денег для помощи семьям репрессированных. Но, я повторяю, мы не должны судить: в 1938г. папа был на 24 года моложе и, наверно, здоровее, чем Шептовицкий.

29 июля ему было представлено обвинительное заключение в одну страницу: *«М.Л.Рабинович был активным членом сионистской националистической организации и ходатайствовал о помощи арестованным служителям культа. Его вина установлена показаниями Шептовицкого».* Заочный приговор был вынесен ОСО 2 августа: *«За контрреволюционную деятельность заключить Рабиновича Меера Лейзеровича в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет, начиная с 9 июня 1938г.»*

Эти восемь лет он провел на Колыме – в самом холодном, отдаленном и жестоком из мест ГУЛАГА. («А с холодом я знаком, испытал и 60-65° мороза» – напишет он племяннику, историку Иосифу Амусину, из ссылки через 13 лет.) Чтобы добраться до Колымы из Москвы, нужно было ехать поездом в течение 10 дней и затем на корабле неделю.

Посещения членами семьи не разрешались, да и были практически невозможными. Когда отца привезли на место, там стояли только бараки. Через 8 лет современный город Магадан, построенный рабским трудом и стоящий на костях умерших, вырос на этом месте. Сейчас американские туристские агентства организуют поездки в этот район Земли...

Отец выжил. Его освободили из лагеря в июне 1946г., но до августа ему не давали разрешения на отъезд. Затем до октября он ждал корабля. Я уже описывал его появление в Москве в ноябре. Он снял комнату в городе Петушки, за пределами запрещенной ему 100-километровой зоны, и нашел работу в качестве агента по снабжению на местной текстильной фабрике. Он хотел именно такую работу, поскольку она требовала частых командировок в Москву на 3-5 дней.

Мы трое, мама, сестра и я, занимали две комнаты на втором этаже в огромной коммунальной квартире, где 15 семей жили на двух этажах, а также в полуподвале и на чердаке и делили два туалета и два умывальника. Две кузины – Соня и Белла, дочери покойного папиного брата, жили в крохотной комнатушке в полуподвале (их старший брат Саул пропал без вести в первые дни войны). Когда провели газ, плиты разместили в длинном коридоре, превратив его в большую кухню. Там всегда был кто-нибудь из соседей, так что было невозможно пройти незамеченным. По крайней мере одному из соседей, Тимофееву, было приказано следить за нами. Вначале отец был, по-видимому, наивен и думал, что может ночевать у нас, будучи в официальной командировке, но не тут-то было. По докладу Тимофеева появилась милиция, прогнала отца и оштрафовала мать. После этого он больше не спал дома. Где же он проводил московские ночи?

Спрошенный об этом следователем после второго ареста, отец ответил: «На вокзалах». Это не было правдой – он никогда не был без убежища. Родственники и старые друзья из Минска проявляли большое мужество и любовь, давая ему приют. Особенно я вспоминаю маленького скромного Абрама Ницберга, друга папы по Минску, которого, хотя ему было около пятидесяти, все называли Абраша. Он говорил тихим бесцветным голосом, так что его было трудно слышать, но если ты вслушивался, то понимал, какой это был мудрый и добрый человек. Он жил в паре километров от нас, тоже в коммунальной квартире, с большой и больной семьей. Тем не менее, именно эта семья чаще всего прятала отца. И она была не единственной.

Приезжая в Москву, я еду на Востряковское кладбище. Сначала – ряд, где папа и мама и родители Сони и Беллы с добавленной надписью о погибшем Сауле. Потом иду дальше, к могилам Сони и её мужа Ерухима (Белла умерла в Израиле), и ориентиром, где я должен повернуть налево, мне служит могила с фотографией веселого мальчика в пионерском галстуке. Я останавливаюсь перед ней, как перед одной из своих могил, и вспоминаю всю семью Ницбергов. Это Женя Ницберг, племянник Абраши, которого я помню живым. У него было что-то вроде болезни Дауна. В 1948г., в возрасте 10 лет, он погиб под трамваем около своего дома на Пятницкой улице. Мертвые не стареют, и фотография под стеклом не померкла за 60 лет, а ниже выбиты неуклюжие и трогательные стихи, написанные Абрашей.

Всё же были восемь дней, которые папа прожил дома, не прячась. У мамы была пишущая машинка. Однажды участковый милиционер попросил её напечатать какую-то личную бумагу, она это сделала, не взяла плату, так что установился некий личный контакт. В 1947г. мама спросила его, нельзя ли разрешить папе прожить дома восемь пасхальных дней. Участковый повел ее к начальнику отделения милиции, и тот дал письменное разрешение! Так что папа пришел, не скрываясь, пошел в туалет; конечно же, соседи тут же донесли, и вечерняя смена милиционеров пришла по его душу, но увидев бумагу от своего начальника, они сказали: «Счастливо праздновать» и оставили нас в покое.

Сейчас, через 60 лет, когда я вспоминаю это событие, я думаю, что начальник милиции не имел права давать такое разрешение. Функция милиции была следить и преследовать бывших «политических» заключенных МГБ/КГБ, но никак не облегчать их положения. Так что в стране, где власти повседневно превышали свои полномочия для актов зла, этот начальник, возможно, превысил свои права для акта добра. Я не хочу быть неблагодарным и не заметить эту искру гуманности во времена всеобщей тьмы.

Гости были приглашены на Седер, первый за девять лет. В тех условиях я рос, ничего не зная об иудаизме, и мама боялась противодействовать резко антирелигиозному воспитанию в школе. Но за несколько дней до Песаха она подошла ко мне с важным разговором. Она спросила, хочу ли я приготовить большой сюрприз для папы, и я сказал: «Да». Она объяснила, что я должен буду выучить наизусть некий текст на древнееврейском языке, который она напишет русскими буквами, и прочитать его, когда она подаст мне знак. Я выучил, не понимая, текст, начинавшийся странными и темными словами: «Ма ништана h алайла h азе...»

Как хорошо я сейчас знаю эти слова наизусть! Каждое слово, и каждое значение слов, и каждый оттенок значения! Каждую мелодию, на которую свободная американская и израильская молодежь поёт этот текст –символ связи между поколениями. Важнейшее предложение в Пасхальной Агаде говорит, что «в каждом поколении каждый человек должен рассматривать себя, как будто он сам вышел из Египта», сам был освобождён из рабства. Поэтому ритуал Седера требует, чтобы младший член семьи задал Четыре Вопроса о значении события во время Оно и сегодня: «Ма ништана h алайла h азе… – Чем отличается эта ночь от других ночей», а старшие проводят целый вечер, отвечая на вопросы в непрекращающемся праздновании свободы и достоинства человека!

Я думаю, что Сталин не сумел сокрушить моих родителей. Они никогда не сдались. Вы только подумайте: вот человек, который провел восемь лет в неописуемых условиях за то, что он религиозен, а сейчас он сидит во главе стола, полного гостей, в многосемейном муравейнике, где тонкая фанерная стена не скрывает звук от соседей, в египетской тьме сталинской Москвы, и они вслух читают историю Исхода евреев из рабства на свободу! И вот время приходит для Четырех Вопросов. Отец обращается к маме: «Некому задавать, придется тебе». Мама: «Почему же я? Разве я младшая? Здесь есть кто-то помоложе», и она дает мне знак. Я думаю, что за всю жизнь он не получил от меня большей радости. Он пытался пробиться ко мне, хотел влиять на меня, но это было трудно в его положении. Вероятно, он умер с мыслью, что провалился, и прошло много лет, прежде чем я понял, что его влияние было и остается самым сильным и важным.

В 1948 г. Фаня окончила университет и, будучи еврейкой, оказалась единственной из её выпуска, посланной за пределы Москвы, чтобы преподавать немецкий язык в школах Смоленска. Бродячая жизнь отца стала невыносимой, просвета не было видно, и Фаня предложила, чтобы он переехал к ней. Но он не успел рассмотреть такую возможность.

14 февраля 1949 г. Папа ночует где-то в Москве, но собирается прийти позавтракать домой, и мама готовит завтрак для него и меня. Мы вместе выходим – мама – на работу, я – в школу. Мы не замечаем машину во дворе. Вечером, по возвращении, мы знаем, что папа приходил: он оставил шарф на стуле. Он собирался вновь зайти, но не появился. Ни у нас, ни у Ницбергов не было телефона, мы ждём до утра, бежим к ним – он не ночевал ни у них и ни у кого другого. Мама пошла к начальнику милиции и спросила, не был ли он арестован милицией за нарушение паспортного режима, но начальник заверил её, что этого не было – он наверняка известил бы семью. Мама, беременная Соня, ее муж Ерухим, Белла начинают лихорадочный поиск в больницах и моргах – безрезультатно. Прошло три долгих дня.

17 февраля, около семи вечера. Входят два офицера МГБ и домоуправ Дмитриев, взятый как понятой. Офицеры, Дубинин и Рыжков – имена я сейчас читаю в деле – предъявляют ордер на обыск, и судьба отца становится очевидной. (Я чувствую себя как-то нереально, читая в деле описание события, которое я так живо помню.) Три дня назад они ждали отца в той машине, которая не привлекла нашего внимания. Отцу не разрешили написать записку, и он оставил шарф в холодный день как намёк, что был вынужден покинуть дом в большой спешке. Мы не поняли намека.

Начинается обыск. Они открывают каждый шкаф, постранично перелистывают каждую книгу. Они ничего не кладут на место. В какой-то момент приоткрывается дверь, и ничего не подозревающая голова Беллы появляется в щели. К счастью, очень к счастью, только мама и я видим её. Мамин резкий взмах руки: «Прочь!» Белла испаряется. Всё заняло долю секунды. Если бы офицеры заметили её, они могли бы пойти обыскивать и их комнату. Около часа ночи на меня внезапно нападает истерика, и один из офицеров приказывает матери: «Отправьте мальчика спать». Я ложусь и немедленно проваливаюсь в сон. Они уходят около четырех утра, и проходит несколько дней, прежде чем мы восстанавливаем какой-то порядок.

Тюремная фотография отца, 1949

Я читаю протоколы допроса отца майором Синицыным. Поведение обоих сильно отличается от того, что было в 1938 г. Тогда отец в какой-то мере старался не противоречить следователю, может быть, надеясь, что это уменьшит число лет заключения, или просто потому, что его били. В то же время следователю было очень важно добиться от отца признания вины.

В 1949 г. было иначе. Правительство секретно решило, что все прежние заключенные должны быть высланы на поселение в Сибирь. (Отец моей жены, Михаил Асиновский, тоже проведший 8 лет на Колыме и живший в Тульской области, был вновь арестован и выслан летом того же года.) Тех, кто заканчивали срок после 1949 г., отправляли прямо в ссылку. Тех же, кто, как папа, был ранее освобожден и выпущен в центр страны, вновь арестовывали и «шили» им как бы новое дело. Так что приговор – ссылка – был предрешён. Моё впечатление, что майор Синицын не бил отца, а просто проводил время, чтобы сделать папку с делом потолще. Но какое время? В 1949 г. часы и минуты записаны: каждый день в течение 5 дней с 22 часов до 6 утра. После этой 8-часовой «тяжёлой» работы майор отправлялся домой спать, а отца отводили в камеру, наоборот, НЕ спать, за чем строго следили. Протоколы этих долгих допросов занимают одну-две страницы рукописного текста, они скучны и повторяют друг друга. На сей раз мой опытный отец не показал и следа сотрудничества. Вот сокращённый протокол допроса от 16 марта:

В.:Вы решили дать правдивые показания о Вашей антисоветской националистической деятельности?

О.:Я даю правдивые показания, что антисоветской деятельностью я никогда не занимался.

В:Вы продолжаете вести себя скрытно. Следствие требует от Вас признания.

О:Я ничего не скрываю и признаваться мне не в чем.

В:Вам есть в чем признаться. Вы совершили преступления перед Советской властью. Показывайте о них.

О:Никаких преступлений перед Советской властью я не совершал и мне показывать нечего.

В:Кто из Ваших знакомых посещал Вашу квартиру в Москве после отбытия Вами наказания?

О:Никто из моих знакомых не посещал мою квартиру в Москве после моего освобождения из заключения. Бывали лишь родственники.

***

В:С кем Вы встречались при этих последних посещениях синагоги?

О: *Я приходил в синагогу для совершения моления, ни с кем там не встречался и не имел намерения встречаться.*

Ни малейшего доказательства не было представлено. 15 июня ОСО приговорило отца к вечной ссылке, и он был доставлен в отдаленную деревню Красноярского края. Он не имел права отлучаться более чем на 25 км и должен был являться на отметку в МГБ дважды в месяц. Работы там не было, за деньги нельзя было купить продукты в пустых магазинах, и власти не были обязаны кормить формально свободного человека. Мама немедленно поехала с едой. Отец, обычно сдержанный, встретил её и тут же стал есть – он думал, что она не застанет его живым. Через несколько месяцев ему удалось добиться, чтобы его перевели в Большую Мурту – крупную сельскохозяйственную деревню и районный центр в 105 км севернее Красноярска. Там он устроился слесарем в местный гараж («Автороту»), обслуживавший окрестные колхозы грузовиками, так что он смог сам себя содержать. (В письме Иосифу Амусину, который сам был изгнан из Ленинграда и работал в Ульяновске, папа ругает его за присылку 250 рублей.) В этой деревне я трижды проводил летние школьные каникулы в 1951-1953 гг. Фаня и мама также приезжали. Железная дорога была в Красноярске, автобусов оттуда в Мурту не было, и папа не мог встречать нас, поэтому он устраивал так, что грузовики Автороты, бывшие в городе по делам, подбирали нас. Тряска в открытом кузове в течение четырех часов в сухую погоду и шести под дождем была нормальной формой нашего прибытия и отправления. В 1953 г. начал ходить автобус.

Дом в Большой Мурте, где отец снимал угол (фото автора) Отец в ссылке, 1951 или 1952 (фото автора)

Эти каникулы не были плохи, и мои воспоминания о них слегка пасторальны. Мы жили в нищете, но так жили все, так что я не знал, что это была нищета. Папа снимал угол у вдовы-крестьянки, где спал еще кто-то из членов семьи. Я спал в той же комнате, для чего вносили козлы и доску. В соседней комнате (без дверей между ними) угол снимал другой ссыльный. Вдова охотно принимала нас всех, потому что ценила папу, который мог всё починить. У нее был небольшой участок, и она выделила папе кусок для выращивания овощей. У неё была корова, мы покупали молоко и сливки, из которых я вручную взбивал масло. Хозяйка и папа совместно владели двумя овцами. Ранним утром деревенский пастух собирал стадо, а в конце дня я открывал ворота и впускал животных во двор.

Новые ссыльные прибывали все время. К 1953 г. появились две московских сестры – 18 и 20 лет – самые молодые ссыльные в деревне. Их отец, врач, был в тюрьме, мать умерла, и они одни жили в хорошей отдельной квартире – редкость в те дни. Какой-то майор из МГБ захотел их квартиру. Перед ним лежал список проституток, подлежащих высылке из Москвы, и он просто добавил два имени.

Ссыльные заботились друг о друге. Местные крестьяне не были враждебны. В больнице работали ссыльные московские и ленинградские врачи, так что она была неожиданно хороша для такого удалённого места. (Только недавно я узнал, что знаменитый хирург и священник В.Ф. Во? йно-Ясене? цкий, или Святитель Лука, получивший в 1946 г. Сталинскую премию за «Очерки гнойной хирургии», до войны был ссыльным в Б. Мурте и работал в той же больнице.) Как правило, ссыльные жили без семей. Несмотря на большое давление отвергнуть осужденных членов семьи, жены (и мужья) обычно давлению не поддавались. Но простая экономика не позволяла жить вместе. Большинство ссыльных не могли найти работу и нуждались в помощи их семей – отец был довольно редким исключением. Кроме того, потеряв прописку и жильё в больших городах, вернуться назад было бы почти невозможно.

Я много читал: одним летом – «Сагу о Форсайтах», другим – книгу о системе Станиславского; обе книги и сейчас со мной. (В театральной книге цензура нечаянно упустила упоминание об актере МХАТа Степуне, жившем в муртинской ссылке.) Я обучился стенографии. Когда дикая клубника созревала в лесу, я ходил собирать её в компании детей немцев Поволжья, выселенных из родных мест, а по воскресеньям – с отцом. «Почему мы здесь? В чем наша вина?» – спрашивала немецкая девушка. У меня не было ответа, да она его и не ожидала. Я подружился с соседом – ссыльным турком, который был учителем в его родном Азербайджане. Его семья отказалась от него, учительствовать здесь он не мог, так что он зарабатывал на жизнь как сапожник. Ему было около семидесяти, и он хвастал легендарным кавказским долголетием: «Мой папы папа (*он не знал русского слова «дед» –Э.Р.*), когда ему било сэмдесят взял новий дэвочка. И от этой дэвочка родился мой папа». Мы шли купаться в местной речушке. Дорога проходила через большое поле, и он громко пел турецкие песни. Или же давал мне политический урок такого сорта, который папа не решался дать. Однажды я предположил, что всё могло быть иначе, если бы Ленин был жив. Его ответ был резок, как удар хлыста: «Лэнин тож самое, что Сталын. Мягко стэлэт, жёстко спат.»

Его «папы папа», может быть, и мог в семьдесят лет взять «новий дэвочка», но жизнь в досоветские годы помогала долголетию куда лучше, чем упражнения или диэта. «Сын сына» не имел такой роскоши. Однажды в ледяную сибирскую стужу 1952-53 гг. он шел с рынка и упал мертвым. Поэтому его не было, когда в 1953 г. я приехал туда в последний раз...

Это не был последний раз. Сейчас, в возрасте за 70, мной овладело непреодолимое желание вновь увидеть это место, и в мае 2008 г. мы с женой посетили Большую Мурту. Но это совсем иная история, не об отце, а обо мне, и если писать о ней, то отдельно.

1953 г. и после: Кульминация перед оттепелью

Ссыльные не предполагали, что они когда-нибудь смогут вернуться к нормальной жизни. Фаня однажды спросила: «Папа, будет ли этому когда-нибудь конец?» Он пожал плечами: «Может быть, когда Сталин умрет». Фаня была потрясена: «Сталин может умереть?» Отец посмотрел на неё с изумлением: «Ты ведь не очень религиозна? Уж, конечно, ты не думаешь, что он бессмертен?» Фаня так не думала, но даже мысль о возможной смерти Сталина казалось нереальной.

Он, конечно, умер, но не раньше, чем успел ввергнуть страну в ещё одну резню. К «обычным» репрессиям был добавлен сильнейший антисемитизм. Я не имею в виду, что евреям стало трудно поступать в институты и университеты или менять работу. Нет, дух новой приближающейся Катастрофы постепенно вошел в наше сознание. В 1948 г. директор московского Еврейского театра Михоэлс был убит в Минске, сейчас известно, что по приказу Сталина. И 12 августа 1952 г. в московской тюрьме были расстреляны

еврейские писатели, актеры, ученые, которые во время войны входили в организованный правительством Еврейский антифашистский комитет.

13 января 1953 г. Радио сообщает, что разоблачена группа еврейских врачей – все наиболее известные профессора, лечившие правительство, которые «оказались» агентами еврейских националистических организаций за границей («известного нам «Джойнта», например) и планировали убийство Сталина и других руководителей.

«Дело врачей» сейчас хорошо известно, и не это мой предмет. Но я хочу описать атмосферу отчаяния после этого объявления. Я боялся идти в школу, разговаривать с товарищами. Еврейских студентов били. Некоторые простаки-учителя открыто показывали свой гнев против еврейских учеников и занижали им отметки. Однажды мальчик Юра подошел ко мне и радостно сказал: «Скоро вас, жидов, всех выселят». Это было вполне возможно, учитывая богатый сталинский опыт в выселении целых народов.

Историк Геннадий Костырченко>[11]> не нашёл никаких документов, которые бы подтвердили, что Сталин действительно готовил депортацию евреев. Не существует ни одного документа, который бы прямо связывал Гитлера с еврейской Катастрофой. Тоталитарные режимы такого калибра умеют обходиться без бумаг. Исследование этого вопроса не входит в тему моей статьи. Для меня важна та атмосфера слухов, которые никак не могли бы появиться, если бы они не были пущены сверху (независимо от истинных намерений правительства), и эти слухи сами по себе стали фактом и реальностью нашей жизни в те дни. Рафаил Кугель>[12]> дал подробный обзор слухов. Насколько жизнь в слухах заменила реальность рассказывает такой эпизод. Кугель «начал искать работу по развешанным в городе объявлениям… «Запомнилась фраза, невзначай брошенная одним из начальников отдела кадров: «Зачем нам брать временного работника, нам нужны постоянные». Он, несомненно, имел в виду предстоящую депортацию евреев».

Слухи обещали публичную казнь врачей, затем – погром в результате «справедливого» гнева народа, обращение «еврейской интеллигенции к правительству с просьбой для защиты евреев выслать их на восток, остановки поездов по пути для местных погромов, холодные бараки в месте ссылки.

Этого не произошло. 2 марта 1953 г. массивный инсульт свалил Сталина. Это был третий, и было маловероятно, что он выжил бы и при самом совершенном лечении, но в течение многих часов он не получал даже той помощи низкого качества, которая была доступна простому советскому гражданину. Лучшие кремлёвские врачи находились в тюрьме. 5 марта Сталина не стало.

Народ рыдал. Мой товарищ по классу Мансур Гизатуллин подскочил с кулаками: «Это вы, вы его убили». Мертвый, Сталин ещё сумел захватить с собой десятки людей, задавленных в попытке увидеть его тело во время почетного караула. Мама испугалась, что будет хуже – как будто могло быть хуже!

Отход от сталинизма начался мгновенно, в первые же дни. Немедленно была прекращена антисемитская травля в печати. 4 апреля мне исполнилось шестнадцать, и я получил подарок от правительства, равного которому я никогда не получал и не получу от самых близких мне людей: утреннее радио сообщило о прекращении дела врачей и об их освобождении (кроме двух, умерших во время следствия). Атмосфера улучшилась.

Что это означало для ссыльных? На этой ранней стадии – ничего. Окрылённые освобождением врачей, многие бросились писать заявления о пересмотре их дел только, чтобы получать стандартные ответы сталинского времени: «Вы были справедливо осуждены. Ваше дело пересмотру не подлежит». Более того, приехав туда летом 1953 г.,

я нашел, что по инерции условия ссылки даже ужесточились. Так, раньше ссыльные должны были показываться на отметку 1 и 15 числа каждого месяца. В 1953 г. их стали вызывать по произвольным числам, причем, поскольку телефонов ни у кого не было, они должны были как-то сами передавать известие друг другу, тех же, кто не знал и пропускал отметку, наказывали. В 1952 г. Фане и мне помогла купить билеты на поезд в Москву некая латышская семья, которой разрешалось жить в самом Красноярске. Когда в 1953 г. я пришел по тому же адресу, соседи сказали, что эту семью (как, видимо и всех других) выслали из города.

Отец был пессимистичен и отказывался писать даже тогда, когда ближе к концу 1953 г. стандартные отказы перестали приходить. Только через год после смерти Сталина, 18 марта 1954 г. он пишет письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову:

«… В 1938 г. меня арестовали и предъявили обвинение, что я являюсь членом организации «Мизрах». Несмотря на мучительные допросы,… я себя виновным… не признавал, т. к. это было действительно неправдой. На самом деле, единственным моим преступлением было то обстоятельство, что я был сыном раввина и зятем раввина, и только на этом основании… следователь строил свои предположения, что я «должен антисоветски мыслить»… Неужели полная необоснованность обвинения может стать в правовом государстве основанием для бессрочности наказания? Неужели 16-ти лет тяжелой жизни, лишения семьи, родных, общества и всего того, что дорого нормальному человеку, недостаточно, чтобы искупить мое происхождение сына/зятя раввина, даже если согласиться, что это было преступление?

Я всегда жил и продолжаю жить жизнью маленького рядового человека, люблю свою семью, свою работу. Превратить меня в опасного политического противника – по меньшей мере, смешно, к тому же, какую опасность 60-летний больной старик может… представлять для могучей Советской власти. Кому это нужно, чтобы я и моя семья продолжали ни за что так страдать. Прошу разрешить мне вернуться к моей семье».

Через пару месяцев я пошел в ту самую приемную КГБ, где, сейчас, через 43 года, я читаю дела. Принявший меня офицер не спросил имени отца и не справился в бумагах, а просто сказал, что его дело пересматривается, но он не имеет понятия, когда пересмотр завершится. К осени 1954 г. ссылку попросту отменили, и отцу было разрешено вернуться. Домой? О, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Пересмотр не был завершен, и формально условия его возвращения были такими же, как и в 1946 г.: жить не ближе 100 км от Москвы. Но за исполнением запрета не следили, и соседей, по-видимому, не просили докладывать. (К этому времени наш старый дом с 15-ю семьями в квартире снесли, и нам дали комнату в квартире, в которой жила ещё только одна семья.) Однако без прописки папа не мог устроиться на работу в Москве. Поэтому он снял комнату (или просто адрес для прописки) в отдаленной деревне и убедил московский завод по ремонту зубоврачебного оборудования, который обслуживал зубных врачей только в Московской области, нанять его в качестве их выездного мастера, так что он начал разъезжать по областным поликлиникам. Он продолжал там же работать и тогда, когда, наконец, получил разрешение на проживание в Москве. Почта принесла это разрешение в конце апреля 1955 г… через 17 лет после его первого ареста, и это было письмо из Прокуратуры СССР:

«Гр. РАБИНОВИЧУ Мееру Лейзеровичу

По протесту Генерального Прокурора Союза ССР Верховный Суд Союза ССР от 20 апреля 1955 г. Постановления Особого Совещания от 2 августа 1938 г. и от 15 июня 1949 г. отменил и дела на Вас прекратил и Вы полностью реабилитированы».

Вскоре Фаня вернулась в Москву из Смоленска, и в течение последних четырёх лет мы, наконец, жили как одна семья, в одной комнате. Женщины спали на старых диванах, а для папы и меня на ночь вносились раскладушка и козлы с доской. Я надеюсь, что это были счастливые годы в его жизни. Но его здоровье было разрушено, и обычный грипп убил его в феврале 1959 г., когда ему было только 65 лет.

Последняя фотография отца, по-видимому, 1958 (фото Беллы Рабинович)

Мы получили письмо от Гальперина, товарища папы по ссылке: «Меера Лазаровича мы знали, как человека благороднейшей души с той высшей, чистой моралью, которая всё реже и реже встречается в наши дни. Благодаря ему я даже по-новому начал смотреть на тот источник, из которого М.Л. черпал свою несравненную моральную силу и духовную цельность. Меера Лазаровича я узнал в тех трудных условиях, когда жизнь ломала, калечила людей, обнажала их сущность, скрывавшуюся за внешней полировкой. Это было жестокое испытание, может быть единственное, способное проверить человека. Меер Лазарович был одним из немногих, который с честью прошёл это испытание...»

Это теплая и справедливая оценка, которой мы гордимся, но я хочу отметить, что почти все, кого я знал в Мурте, с кем отец дружил и кто остались нашими друзьями до конца их жизней, выдержали такое испытание. «Исполины были на земле в то время… Это сильные, издревле славные люди» (БЫТИЕ, 6;4).

Однажды отец высказал мысль, которую я поместил в эпиграф, но повторю здесь вновь: «Даже если когда-нибудь этот режим принесёт счастье и процветание всему человечеству, он и тогда не сможет оправдать те реки крови, которые были ради этого пролиты». Отец не дожил до падения коммунизма, падения без славы, счастья и процветания; режима, который за всю историю не оставил за собой ничего, «кроме крови, тяжкого труда, слез и пота»>[13]>.

Примечания

1Статья была написана по-английски и в сокращённом виде напечатана в американском еврейском журнале «Moment», 1999, № 1 (февраль) под названием «Sentence: Execution», данным редактором. Я перевожу мой оригинальный текст с изменениями и дополнениями.

2Объяснение сокращений для молодежи – наше поколение знает их наизусть: сначала была Всесоюзная Чрезвычайная Комиссия – ВЧК, или ЧК, отсюда слово «чекист». Её сменил Народный Комиссариат Внутренних Дел – НКВД, после войны – Министерство Внутренних Дел – МВД, из коего выделилось Министерство Государственной Безопасности – МГБ, впоследствии – Комитет Гос. Безопасности – КГБ. ГУЛАГ – Главное Управление Лагерей –учреждение, контролировавшее всю лагерную систему.

3TonyJudt, The New York Times, Dec. 22, 1997, p. A27.

4Газета «Новое русское слово», 28 февраля 1988г. Информация была перепечатана из советской газеты «Московский комсомолец», куда она была представлена писателем Юлианом Семёновым со ссылкой на секретную записку главы МГБ С.Игнатьева.

5Lorente, Histoire Critique de l’Inquisition; цитата взята из русской биографии Торквемады (1995).

6Nora Levin, The Jews in the Soviet Union Since 1917, Published by NYU Press, 1988.

7Каганович, жестокий и эффективный администратор, умер последним среди членов сталинского руководства, и дата его смерти символична: меньше чем за месяц до попытки переворота 1991г., положившей конец Советскому Союзу.

8Еврейские имена часто выглядят по-разному в разных источниках. Для заголовка я взял написание из книги, посвящённой памяти раввина Медалье и выпущенной его сыном раввином Гилелем Медалье. Здесь же и далее – так, как его имя, видимо, писалось по советскому паспорту.

9Так в тексте, хотя в предыдущих документах его ранг – 3-й. Так же «женское» несклонение фамилии Матулевича – опечатка. Это был мужчина.

10Расстрельные списки, Москва, 1937-1941, «Коммунарка», Бутово – О-во «Мемориал», Изд. «Звенья», 2000.

11Передача радиостанции «Эхо Москвы» от 8 ноября 2008 г. может быть найдена на Интернете.

12Рафаил Кугель, «Готовил ли Сталин депортацию евреев?» Заметки по Еврейской Истории, № 13, 2002 (Журнал на Интернете).

13Из речи Черчилля в Палате Общин 13 мая 1940 г.: «Мне нечего предложить вам, кроме крови, тяжкого труда, слёз и пота… Победа любой ценой. Победа несмотря на весь террор. Победа, каким бы длинным и тяжким не был путь. Ибо без победы нам не выжить».

Неопубликованные материалы

